

Зона путинской эпохи

Борис
ЗЕМЦОВ

Борис Земцов

Зона путинской эпохи

«Алисторус»

2012

Земцов Б. Ю.

Зона путинской эпохи / Б. Ю. Земцов — «Алисторус», 2012

Борис Земцов в бытность зам. главного редактора «Независимой газеты» попал в скандальную историю, связанную с сокрытием фактов компромата, и был осужден за вымогательство и... хранение наркотиков. Автору предстояло провести 8 лет в зоне строгого режима. Однако в конце 2011-го, через 3 года после приговора, Б. Земцов вышел на свободу, – чтобы представить читателю уникальную книгу о современной зоне. Основу книги составил дневник, который автор вёл в неволе, и большую часть которого ему правдами и неправдами удалось переправить на волю. Автор предупреждает: никто ныне не застрахован от тюрьмы! А все потому, что в нынешней ситуации власть вынуждена будет выполнять свои обязательства перед народом и сажать олигархов, или, если она этого не сделает – придется сажать тех, кто будет требовать от власти исполнения своих обещаний. В условиях такой непредсказуемой ситуации почитать эту книгу будет полезно и простым гражданам, и олигархам. Интеллигент на зоне – основная тема книги известного журналиста Бориса Земцова.

© Земцов Б. Ю., 2012

© Алисторус, 2012

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.	19
-----------------------------------	----

Борис Земцов

Зона путинской эпохи

Всем, кто ждал, помогал и верил...

На трехдневное свидание приезжал сын. Окрепший, повзрослевший. Последний раз мы виделись почти два года назад в Бутырской тюрьме. Общались через коридор, по телефону, разделенные двойным стеклом и двойными решетками. Теперь мы смогли обняться, поговорить «вживую». За это время он «отбыл» срочную. Служил в ВДВ, в армию ушел по собственному желанию, хотя мог получить честную отсрочку, необходимую для завершения учебы в колледже. Самоутверждался! Проверял себя! С этим у него, кажется, все получилось. Первый вопрос, который он задал, был: «Как ты здесь?» Что я мог ответить ему? Конечно: «Нормально».

И, действительно, за все это время меня никто ни разу не ударил, даже голоса на меня никто ни разу не повысил. Не было случая, чтобы я расставался здесь с вещами и продуктами вопреки собственному желанию. Конечно, случались ситуации, близкие к конфликтным, но все завершалось без унижений и потерь. Другое дело, *можно ли вообще считать ситуацию, когда человек находится в тюрьме, нормальной?*

Многие из моих нынешних соседей говорят с пафосной гордостью: «Я здесь дома, и мне здесь хорошо!» Похоже, врут. *Неволя для нормального человека совершенно противоположна.* Воздуха и неба у него должно быть сколько угодно, и двигаться он должен по собственному выбору в любом направлении, в любое удобное для него время, и распорядок дня ему не должен навязывать полуграмотный, вечно лужающий семечки прапорщик. Впрочем, стоп! Довольно философии! Зона – это наказание, для кого-то заслуженное, для кого-то не очень, кто-то попал сюда по недоразумению, кто-то в итоге тщательно спланированной провокации. И, в любом случае, это наказание – испытание, которое надо вынести достойно. Пытался что-то объяснить сыну по этому поводу. Очень хочу надеяться, что был понят.

* * *

Удивительно, но зона не получает ни одной газеты. Обо всем, что происходит в стране и за рубежом, зеки, или, как требуют здесь говорить представители администрации – «осужденные», узнают исключительно из телевизора. А вот здесь не все так просто, – телевизор один на весь отряд, в котором почти двести человек. Среди тех, кто собирается у экрана, как правило, любители сериалов, футболов и клипов с полуголыми девками. На этом фоне зек, интересующийся новостями и политикой, мягко сказать, белая ворона.

В итоге население зоны фактически пребывает в информационном вакууме. Похоже, и наших начальников, и тех, кто в свою очередь ими руководит, все это более чем устраивает. Кому нужен читающий, развивающийся и мыслящий зек? До чего он может додуматься? Какие мысли могут осенить его сознание? Вдруг начнет анализировать обстановку, сравнивать условия нынешней своей жизни с действующими законами, кодексами, инструкциями? Уж лучше пусть припадает любую свободную минуту к брызжущему глупостью, насилием, а то и спермой, экрану. Глупый зек – лучший зек, удобный, предсказуемый, управляемый. Наверное, по той же причине в зоне напрочь отсутствуют условия, для того, чтобы писать и читать. Даже лежа на шконке¹ из-за паскудного подвально-сортирного освещения этим заниматься невозможно.

¹ Шконка – тюремная койка.

Словом, делается все, что бы жизнь наша жестко втрамбовывалась в куцую формулу: «Спать-работать, работать-спать».

* * *

Проснулся среди ночи от ощущения, будто кто-то трогает мое лицо. Машинально провел рукой по лбу и щекам – нащупал твердое похрустывающее семечко. Таракан! Нисколько не удивился. Этих животных здесь великое множество, они обитают в тумбочках, в щелях деревянных столов, под обшивкой стен в коридоре. Еду, посуду, умывальные принадлежности приходится упаковывать в целлофановые пакеты. О том, что эти наглые существа могут залезть в уши и ноздри, стараемся не думать. Мы почти привыкли к ним. Они – наши соседи, из категории, «которых не выбирают». Мы делим с ними кров, еду, пространство. Надо благодарить судьбу, что из насекомых здесь только тараканы. Вши и клопы доставляли бы нам куда больше хлопот и неудобств. Да и что ждать от зоны, отделенной от столицы почти тысячей километров. Могу лично свидетельствовать, что в двух столичных СИЗО, где начинал коротать свой срок, проблем с этими нежелательными соседями было куда больше.

* * *

Мне вовсе несимпатична противоречивая, местами просто лживая, система тюремных ценностей. У меня нет никаких оснований осуждать тех, кто, попав в зону, стал на путь добровольного сотрудничества с администрацией, «одел рога», стал «козлом», как здесь говорят. Это их личный выбор. Но я не могу не замечать, какие у большинства представителей «актива» мерзкие лица, подлые глаза, отвратительные манеры. Типичный пример – Рома Сухой, помощник дневального в нашем отряде, невежественный, наглый, подлый. Не более приятен и его коллега – Леша Рыжий, хитроглазый с хищным клювовидным носом, угодливый в отношениях с любым прапорщиком и надменный по отношению к любому из нас. Уникальный пример представителей «козлиной» категории – отрядный завхоз Юра, здорово смахивающий на Вия из той первой советской замечательной экранизации бессмертной гоголевской повести. В неполные сорок лет он имеет почти двухсоткилограммовое студенистое рыхлое тело. Куда отвратительнее его мстительность и жадность до жратвы и прочих подношений, непомерная завистливость. *Похоже, администрация, решая главную свою проблему – содержать зону в повиновении, делает ставку именно на подлецов.* Значит, что-то – изначально неправильно, нечестно, порочно в системе, призванной контролировать, воспитывать и перевоспитывать попадающих в зону людей. Конечно, принцип ставки на «сволочей» – не новый, но почему-то именно здесь он доведен до совершенства? Может быть, наша колония исключение из общего правила?

* * *

Разговорился с библиотекарем колонии. Это старик, давно переваливший за семьдесят, но он бодр и энергичен, выглядит лет на пятнадцать моложе. Глаза ясные, живые, умные. Инженер-конструктор, электронщик, признанный международный авторитет в области перехвата, локации и прочих чисто оборонных заумных электронных «штучек». Его имя и перечень его открытий, разработок, изобретений, включены в военные энциклопедии и оружейные справочники. Сюда попал за контрабанду военной техники, свое обвинение отрицает, считает свое дело «заказным», уверен, что его «засадил» конкуренты, которым он мешал своей деятельностью зарабатывать на российском рынке вооружения. Прав ли он, судить не берусь, но сам

факт «посадки» государственного по сути человека, а, главное, лишение его возможности заниматься своими делами, поражает. И дело даже не в его более чем почтенном возрасте, не в заслугах перед государством (а их перечень более чем внушительный). Даже, если он виновен, неужели было нельзя ограничиться условным наказанием? На худой конец, в заключении создать ему условия для продолжения работы, имеющей, без преувеличения, стратегическое государственное значение? Как тут не вспомнить Сталинско-бериевские шарашки, в которых некогда и формировалась инженерная мысль Королева, Туполева и многих прочих светил советской науки. Да, их сажали чаще всего по нелепым, надуманным, а то и откровенно сфабрикованным обвинениям, но там, по ту сторону «колючки», им создавались все необходимые условия. Им давали усиленный паек, для них выписывали порой даже из-за рубежа соответствующую литературу, им предоставляли штат помощников, целые лаборатории, словом делалось все, что бы их потенциал не «ржавел», не простаивал, а работал на Державу. Выходит, сталинским ГУЛАГом руководили истинные государственники, люди умные и дальновидные, в отличие от ГУЛАГа нынешнего, демократического. Вот и сидит ясноголовый Игорь Владимирович Н., лауреат различных премий, кавалер многих наград в лагерной библиотеке (хорошо, не угодил еще на «промку»² ворочать мешки и дышать полипропиленовой вонью). Вот и думай! Вот и сравнивай!

* * *

Пасха. Удивительно, но первый, кто поздравил меня с этим, столь важным для каждого православного праздником, был мой сосед по бараку чеченец Муса М. Двойственное чувство, с одной стороны – приятно (чуткость, искреннее внимание и т. д.), с другой стороны – досадно. Первым с Пасхой меня поздравляет мусульманин, а единоверцы, крещенные в младенчестве, носители крестов всех калибров, редкие, но все-таки, посетители, местного храма, в это время, уныло матерясь, тянулись к умывальнику, заваривали чифир, а то и просто дрыхли. Что-то похожее я уже испытывал примерно год назад, когда в отряд из лагерного «блаткомитета» передали солидный пакет с конфетами и прочими сладостями. Инициатор акции адыгеец Джоник скупно пояснил: «У нас, мусульман, сегодня праздник, пост закончился. Это Вам, братья, от души!» Увы, мои единоверцы в проявлении подобных инициатив замечены не были. Как бы хотелось верить, что это – недоразумение частное совпадение случайных моментов.

* * *

Каждый день в зоне начинается с государственного гимна. Каждый день ровно в шесть (в воскресенье и праздники на час позднее) эта мелодия, усиленная издававшим виды динамиком, врывается в наше сознание, высверливает мозг, поднимает с коек. Качество музыки гадкое, запись полна треска, шороха и всякого рода хрипов и всхлипов. Многие признаются, что за несколько лет пребывания здесь успели возненавидеть эту мелодию. Не исключено, что через какое-то время и я последую их примеру. И это в то время, что всю предыдущую жизнь я очень уважал эту торжественную, величественную музыку, считал, что стране с гимном просто повезло! Отношение это не родилось само собой, уж так сложилась жизнь, что гимнов различных государств довелось переслушать немало, и лично могу свидетельствовать: наш гимн – лучший! Скажу больше, неведомая сила распрямляла спину при первых звуках этой музыки, наполняла сознание гордостью, энергией. Не уверен, что после пребывания здесь удастся сохранить это светлое чувство.

² Промка – производственный сектор территории колонии.

Кстати, остается пока сожалеть и удивляться, насколько нерационально используются возможности радиосети зоны. Кроме команды «подъем», сопровождаемой упомянутой выше музыкой, транслируется команда «отбой» («в зоне строгого режима отбой, спецконтингенту занять спальные места...»). Еще с помощью радио разыскиваются необходимые сотрудники («прапорщик Иванов, срочно зайдите в дежурную часть») и осужденные («осужденный Петров, третий отряд, срочно прибыть на рабочее место»). Вот, пожалуй, и все. А ведь могла бы администрация колонии создать собственную радиогазету, наладить информационную службу, организовать регулярные выступления сотрудников, руководителей служб, самих осужденных. Эти меры помогли бы наладить контакт между теми, кто в зоне сидит, и теми, кто зоной руководит. Радио помогло бы лучше понимать друг друга зекам и мусорам³. Вместо этого всего из динамиков доносится затасканная до неузнаваемости фонограмма гимна да лающие команды. Впрочем, по-другому здесь, наверное, и быть не может. Люди, призванные не только держать нас в строгих рамках режима, но и воспитывать нас, к диалогу с нами просто не готовы. Они боятся нас. Они ненавидят нас. Они стесняются нас в силу своего косноязычия. Последнее качество представители администрации демонстрируют каждый понедельник, в день, на который приходится в зоне общее построение и что-то похожее на строевой смотр. Типичный пример этого косноязычия, откровенного игнорирования элементарных норм русского языка демонстрирует замполит зоны подполковник с экзотической кличкой Конь-Голова. Похоже, этот человек так и не усвоил знакомые каждому школьнику правила склонения и спряжения, многие слова употребляет просто не по назначению, да и беден до убогости у него запас этих самых слов. Понятно, в эфире таким «златоустам» делать нечего.

* * *

Свойство мечтать, как свойство смеяться, относится к разряду качеств, которые резко отличают человека от животного. Отрадно, что многие из нас не утратили этого навыка. Кажется, и я здесь не исключение. Сегодня представил себе, как после освобождения займусь осуществлением оригинального проекта. Смысл его прост. Направить в одну из колоний, профессионального фотографа, поставить ему задачу отснять лица заключенных. Отснять в анфас, крупным планом, точнее снимать даже не лица, а глаза (что выше бровей и ниже носа загорелось, заретушировать), а потом из этих снимков сделать выставку по всем правилам вернисажного искусства, с соответствующей подсветкой, специально подобранной музыкой и т. д. Уверен, на этой выставке не будет похожих снимков, каждый взгляд будет по-своему неповторим. Перемешаются в них и пронзительная грусть, и щемящая надежда, и угрюмая злоба, и виноватая нежность, и робкая вера, и жестокая решительность, и еще много чего....

* * *

Все-таки в счастливое время выпало нам сидеть. Сегодня практически каждому арестанту можно надеяться на светлый просвет в судьбе, на облегчение участи. Это, конечно, не значит, что каждому будет снисхождение, но шансов прибавляется. И на УДО (условно-досрочное освобождение) люди уходят куда чаще, чем в предыдущие годы, и начавшаяся реформа службы исполнения наказаний надежд прибавляет, и концентрация слухов о замене старого УК РФ на новый, более гуманный, нарастает. Еще несколько лет назад ничего подобного и в помине не было. Получал человек свой срок, и это был приговор на все «двести процентов» – ни «скошухи», ни послабления! Так что будем ждать, надеяться. Тем более, дело идет к выбо-

³ Мусора – сотрудники администрации колонии.

рам. Достижения в экономике, в социальных сферах весьма скромные, а где «пряники» для электората? Реформы в УФСИН, совершенствования в УК, сокращение общего числа сидельцев – самый верный, самый честный, самый малозатратный путь. Эффект, бесспорно, будет ощутим. Едва ли не в каждой российской семье кто-то сидел, сидит, или, того гляди, сядет. На худой конец, просто с содроганием вспоминают о времени не столь давнем, когда понятия «ссылка», «лагеря», «этап», «срок» заставляли трепетать каждого.

* * *

Случайно попал в руки томик М. Булгакова. Перечитал, в который уже раз, с превеликим удовольствием. Из «Собачьего сердца» выписал цитату, посвященную главному герою. Характеризуя Шарикова, автор отмечает его особенное пристрастие к мату. «Ругань эта, – пишет М. Булгаков – методическая, непрерывная и, по-видимому, совершенно бессмысленная. Она носит несколько фонографический характер: будто это существо где-то раньше слышало бранные слова, автоматически, подсознательно занесло их в свой мозг и теперь изрыгает их пачками». Как же точно и емко сказано! И, увы, это может относиться к доброй половине моих соседей. Зачастую их речь на 60–70 % состоит из тупого, однообразного мата. Ругательства-связки, ругательства-костыли, ругательства – суррогат всех прочих слов...

Впрочем, стоит ли упрекать в этом моих нынешних соседей. Ведь многие из них выросли в условиях, где подобная форма изъяснения была повальной нормой, где привязанность к мату передавалась из поколения в поколение, закреплялась на генном уровне. Да и уместно ли слишком строго судить арестантов за сквернословие, когда те, кто нынче призван контролировать нашу жизнь, а, значит, и воспитывать нас, выражают свои мысли и чувства совершенно так же.

Впрочем, арестант арестанту рознь. Смотрящий соседнего отряда Андрей Дрон – глубоко верующий и совсем еще молодой человек, объявил мату беспощадную войну. Он запретил материться в бараке, нарушителей строго наказывает. Побольше бы таких смотрящих! Кстати, и на воле я встречал людей, «отмотавших» серьезные сроки, высшим образованием «не обремененных», но сознательно полностью искоренивших в себе эту скверную привычку.

* * *

Ощущение времени здесь совершенно иное. Дни летят, недели мчатся, месяца проносятся, а время, как таковое... стоит на месте. Это потому, что время в сознании большинства арестантов испокон веков ассоциируется с освобождением, возвращением домой, окончанием срока. А сроки, здесь, в колонии строгого режима, почти у всех немалые, соответственно, как бы быстро не проходили дни, недели, месяцы, долгожданная воля придет не скоро, вот и стоит это самое время на месте. Вот здесь-то я и начинаю понимать, что в категории «время» есть два параметра – количественный (это, как раз, связано со скоростью его движения) и качественный. Последний, для человека в нашей ситуации, куда важнее, чем первый. Какое счастье, что пока ни за один день, ни за один час, проведенный здесь, мне не стыдно. Очень хочется, чтобы и самом конце своего испытания я бы мог признаться себе в том же самом. Соответственно, вполне актуальное пожелание самому себе: «Не надо пришпоривать время. Не важно, как быстро оно будет двигаться, главное, чтобы для тебя оно проходило достойно».

* * *

Стал свидетелем любопытного диалога. У зека, державшего в руках книгу, другой, похоже, ничего подобного в руки никогда не бравший, спросил: «О чем книга?» – «Да

роман», – нехотя ответил первый. «А, понятно», – с умным видом, вполне удовлетворенно протянул вопрошавший. Будто бы само название жанра произведения способно дать исчерпывающую характеристику его содержанию.

Да, отношение к чтению большинства моих соседей-коллег оставляет желать много лучшего. Добрая треть не читают вовсе. Никогда и ничего! Не имеют потребности! Не приучены. Не доросли. Добрая половина оставшегося количества читает, но качество и содержание этого чтения можно смело охарактеризовать одним словом: «макулатура». Какие-то малоформатные, в мягких, но очень ярких обложках с говорящими названиями: «Я – бандит», «Мы – воры» и т. д. Ни уму, ни сердцу эти книги, понятно, не прибавляют. Интересы прочих очень разнообразны. В руках соседей видел зачитанные до дыр томики самых разных отечественных и зарубежных классиков, образцы современной, авангардной литературы. И знакомую мне с далекого детства «Занимательную физику», и очень серьезные книги по религии, истории, философии, вплоть до пухлого сборника Конфуция. Грустно, что читают здесь в целом мало, плохо, что читают здесь в основном совсем не то, что надо читать русскому человеку в подобных условиях, но одним махом записывать весь окружающий меня «спецконтингент» в категорию воинствующих невежд было бы несправедливо. В местной библиотеке всегда немало посетителей, интересующихся не только И. Буниным, В. Шукшиным, В. Пелевиным, но и Н. Макиавелли, Н. Гумилевым, И. Бродским. Сам откопал здесь и с удовольствием прочитал мемуары Л. Кагановича, автобиографию Л. Троцкого, последний роман Ю. Сорокина, монографию А. Кузьмина о принятии Русью Христианства, да много чего еще нового, полезного, неожиданного обнаружил я на здешних полках.

* * *

С первого дня, как попал сюда, – работаю в три смены. С 8 до 17, с 17 до 24, с 24 до 6. Четыре дня в первую, четыре дня во вторую, четыре дня в третью. Между сменами – выходные. Поразительно, но за полгода, проведенные в зоне, в лучшем случае было дней двадцать, когда мы могли работать в полную силу, не испытывая проблем со снабжением материалами. То нет мешков, то кончились паспорта от этих мешков, то отсутствуют вкладыши для этих мешков. И это в то время, когда в соседнем, громадном административном корпусе заседает целый плановый отдел, где вроде как трудится и, надо полагать, получает за это свои немалые деньги целый штат специалистов, по слухам, жен, дочек, племянниц, и прочих родственников представителей администрации.

Чем дольше здесь нахожусь, чем внимательней присматриваюсь к особенностям организации производственного процесса на «промке», тем отчетливей становится мое предположение, что подобная бесхозяйственность, не просто бесхозяйственность, а бесхозяйственность специально, самым тщательным образом, срежиссированная.

Скорее всего, наша «промка» – звено в непростом, но таком типичном в наше время механизме полукриминального или полностью криминального производства, где присутствуют и «левое» сырье, и неучтенная продукция, и не уплаченные работникам деньги и много чего еще. Но такие тонкости понятны далеко не многим. Большинство рассуждает так: «Платили бы что-нибудь, чтобы хватило на курево, чай – и достаточно». Между тем наших зарплаток и на этот минимум не хватает. За месяц приходится заработать тридцать, пятьдесят, семьдесят, в лучшем случае, двести рублей. Если вспомнить, что пачка сигарет стоит двадцать рублей, а стограммовая пачка чая и того больше – это не заработки, а откровенное издевательство. «Качать права» в этом направлении дело бесполезное и почти небезопасное. Расценки и нормы выработки на многие из видов выполняемых нами работ от нас тщательно скрываются, а любая попытка разобраться в этих дебрях встречается отрезвляющим вопросом из уст этих людей погонях: «Ты что, сюда зарабатывать приехал?» Любой «правдокопатель» в наших условиях

рискует быть списанным на нерабочий барак, где время тянется куда дольше, и откуда, даже для «работяг», призрачное УДО почти не светит вовсе.

* * *

Да, большинство, окружающих меня людей не привыкли говорить «доброе утро» и «пожалуйста», им привычнее сморкаться в два пальца, чем пользоваться носовым платком, им даже в голову не приходит, что пить чай и есть суп можно бесшумно, не издавая чавканья и прочих чисто животных звуков. Но разве они виноваты в этом? Они унаследовали эти манеры и привычки от своих родителей. Они выросли в той среде, где подобное поведение – норма. Они просто не представляют себе, что существует иной стиль поведения. Похоже, государство, и те, кому государство поручает «исполнение наказаний», совершенно осознанно и целенаправленно собирают этих людей в отдельных местах и только чуть-чуть разбавляют их людьми иного толка, понимающих для чего существует носовой платок, и что такое жить среди людей. Для нормальных людей подобное окружение, точнее погружение, еще точнее «кунание» в столь высокую концентрацию невежества, хамства, откровенной ублюдочности – дополнительное наказание, прибавка к основному наказанию. Впрочем, что более болезненно, что более действенно влияет на психику, сознание, характер – то ли просто лишение свободы, то ли погружение с головой в шариковообразную массу – еще не известно. И все-таки нельзя столько жестоко, столь безапелляционно судить среду, в которой нахожусь нынче. Эта среда – часть народа, очень типичная и очень массовая. Именно такие люди, зачастую звучно чавкающие за столом, не знакомые с носовым платком, не имеющие навыка обращения с ножом и вилок, возводили домны и фабрики, ставшие основой промышленного потенциала моей державы. Они вставали в штыковые атаки на фронтах всех возможных войн, да и много еще в чем успели отличиться в истории. Это в масштабах глобальных, исторических, эпохальных, а в минимасштабах одной человеческой жизни трудно угадать, кто именно протянет тебе руку в трудную минуту, вытащит из огня, прикроет в бою, поделится последней коркой хлеба. То ли тот, с кем изучал философию и высшую социологию, то ли тот, с кем, по стечению обстоятельств, грузил мешки и давился «сечкой». Великое искусство жить с людьми и среди людей, верно ориентироваться в понимании категорий «народ», «личность», «коллектив», «группа». Дай Бог преуспеть во всем этом!

* * *

Насколько я знаю, никто из специалистов не изучал идеологических пристрастий и политический ориентации нынешних российских арестантов. А жаль. И социологов и политологов здесь ожидало бы много сюрпризов и откровенных открытий. Неверно было бы одним махом причислять всех моих соседей к социально инертной, полностью аполитичной массе. Споры на политические темы не часто, но вспыхивают в нашей среде. Удивительно, парадоксально, но при всей непохожести мнений, высказываемых в ходе подобных споров, в одном едва ли не все мои нынешние коллеги-соседи единодушны: при коммунистах, до распада СССР жить было лучше. Это мнение арестанты разделяют независимо от возраста, образования, социального уровня, национальности (среди нас немало граждан автономных республик и граждан государств СНГ). И это несмотря на то, что судили в советские времена строже, срока давали куда более серьезные, и шансов соскочить с этих сроков с помощью УДО и всяких прочих «штучек» было куда меньше. Правда, в нынешнем многообразии партий, лидеров, течений арестанты ориентируются плохо. Доводилось слышать безапелляционные, но не имеющие ничего общего с истиной оценки: будто лимоновцы – это фашисты, демократы есть только на Западе, либералы – это сплошь пидорасы (простите, гомосексуалисты). Очень многие всерьез уверены, что

Ельцин до сих пор жив, Горбачев наоборот давно умер и погребен то ли где-то на Западе, то ли аж у самой Кремлевской стены. Особое место среди политических приоритетов нынешних арестантов занимает В. В. Жириновский, в основном, конечно, за счет личного колорита, харизмы.

Много слышаны мои нынешние соседи и о неравнодушном отношении Владимира Вольфовича к судьбам нашего брата, о случаях, когда лидер ЛДПР конкретно помогал арестантам, предоставлял квалифицированных юристов и адвокатов, ходатайствовал о пересмотре дела и инициировал соответствующие бумаги в Верховный суд, Генеральную прокуратуру. «Он наш», «Он может», «Он помогает» – часто говорят в нашей среде о В. В. Жириновском. Верно, поэтому и ношение белых маек с аббревиатурой ВВЖ считается здесь большим шиком. Потому и календари, плакаты, открытки с символикой ЛДПР и портретами его лидера, что прислал мне сюда мой друг, близкий к делам этой партии, моментально осели на тумбочках и в карманах моих соседей по бараку. При всем при этом о политических целях и задачах либеральных демократов никто толком понятия не имеет.

* * *

Странная методика принятия пищи у Паши Катастрофы, что сидит за одним столом со мной за завтраком, обедом и ужином. Наполненную ложку, он быстро подносит к лицу, на мгновение задерживает ее в нескольких сантиметрах от носа, то ли изучая, то ли гипнотизируя ее содержимое, потом делает движение вперед всем корпусом, и с невероятных хлопком втягивает в себя это самое содержимое. Неудивительно, что Пашу можно услышать и за соседним столом. О том, что Катастрофа ест, можно узнать человеку издалека с завязанными глазами. Недавно после прослушивания очередной порции чавканья и бульканья, я все-таки не удержался и почти деликатно поинтересовался: «А что, Паша, не пытался ли ты когда-нибудь кушать бесшумно?» Мой визави округлил глаза, задумался на долю секунды и изрек недоверчиво обиженно: «Гонишь!» Последнее слово из тюремного жаргона универсально и может таить в себе множество смыслов и оттенков. «Гнать» – для арестанта и шутить, и горевать, и задумываться, и откровенно врать.

В подобных своих привычках Паша Катастрофа не одинок. Добрая треть моих нынешних соседей может соревноваться между собой в звучности потребления пищи и напитков.

* * *

Жара. Беспощадная. Всепроникающая. Превращающая любого из нас в потное, обессиленное и отупевшее подобие человека. Говорят, подобной жары в этих местах не было более ста лет. Сорок и более градусов жары. Странно, но именно с это время на обед в качестве своеобразного десерта-дополнения к лагерному рациону дают соленые огурцы и помидоры. Иногда кажется, что в рассол к ним вместо соли (или в придачу к ней), добавляют известь. Естественная реакция организма на подобное угощение – невероятная жажда.

* * *

У каждой зоны свое лицо и свой характер, свои только ей присущие особенности, свои плюсы и свои минусы. На Березовке (так назывался поселок, где находился до того, как нас перевели в эту зону) почти все зека ели, не снимая шапки. В Березовке строго запрещалось выносить из столовой хлеб, тем более самодельные пластмассовые судки с супом или кашей. Здесь зек, выходящий из столовой с едой всех видов в охапку – явление самое обычное. А вот

с посудой на Березовке не было никогда никаких проблем, всем всего хватало. В этом лагере кружек, по-тюремному «кругалей», хронически не хватает, поэтому утренний чай, обеденный кисель и вечернее молоко мы вынуждены наливать в личную, принесенную с собой посуду, или чашки, предназначенные для супа или каши. Зайдет посторонний человек в столовую и запросто может увидеть такую картину: шеренги столов, за столами мрачные мужики хлебают то, что пьют обычно из стаканов и кружек. Ладно, если бы на восточный манер держали бы они эту посуду на трех пальцах, нет, исключительно держат двумя руками за края. Иные и вовсе, то ли ради удобства, то ли по причине дремучей лени своей, не отрывая мисок от стола, просто лакают из них на собачий манер. Картина скорее трагическая, чем комическая.

* * *

Третий день в зоне выдают заплесневелый хлеб. Почему привозимый нам хлеб, якобы прямо из пекарни, сырой и покрыт когда белой, а когда и черной растительностью, – непонятно. Впрочем, это никого не интересует. Главное, что предназначенный для нас хлеб покрыт плесенью. По сути, такой хлеб нельзя считать съедобным. Едим потому, что другого нет. Конечно, едят не все. Общее потребление такого хлеба в зоне резко снизилось. Соответственно, вырос объем отходов. Надкусанные куски, куски с выломанными корками, прочий хлебный брак собирается в мешки, мешки выставляются у входа в столовую. Вонь, которую издает громадная масса заплесневелого почерневшего сырого, а подчас просто разлагающегося хлеба при сорокаградусной жаре трудно даже представить. Старожилы пожимают плечами: «бывало и хуже». Администрация безмолвствует. Молчим и мы, «мужики», рядовые арестанты. Удивительно, что молчат представители так называемого «блаткомитета». То ли они не в курсе, потому что сами употребляют свой, другой хлеб (что заходит к ним правдами и неправдами с воли), то ли откровенно поддерживают администрацию, допустившую подобный косяк. Кстати о хлебе. Стыдно признаваться, но достойному отношению к этому продукту приходится учиться у кавказцев, выходцев из Средней Азии и прочих «нерусских». Для них хлеб – понятие почти религиозное. Его не бросают, не топчут, не вытирают им ложку. Похоже, присутствующий в тюремной жизни обычай – не резать хлеб (это почти одушевленное существо, ему больно), а бережно разламывать его, привнесли именно они. Помню, как болезненно отреагировал мой сосед по «хате» в Бутырке 19-летний башкир Азат, когда другой сокамерник соорудил из хлеба грузик для сопровождения депеши отправляемой по тюремной «дороге». Он цокнул языком, покачал головой: «Нельзя так, это же хлеб, нехорошо так».

* * *

Случайно подслушал спонтанно вспыхнувший спор на тему, что такое Гондурас. В споре участвовало пятеро зеков. Трое были твердо уверены, что это просто «прикол», один считал, что это такое место в Африке, только единственный участник дискуссии высказал (правда, не очень твердо) предположение, что это государство в Латинской Америке. Комментировать здесь нечего.

* * *

Как здорово, как актуально, как злободневно, что я не имею вредных привычек – не курю, равнодушен к картам и прочим азартным играм, прекрасно обхожусь без алкоголя, не страдаю от недостатка сладкого. А еще именно здесь понимаешь, как хорошо, что с малолетства приучен поглощать пищу без чавканья и прочих звуков, что не храплю во сне, что у меня не потеют

ноги, что стельки моих ботинок не издают мерзкого запаха. Да и много чего еще начинаешь здесь ценить в себе самом и в окружающих. Понять это человеку, с зоной собственной шкурой не знакомому, невозможно, объяснять – бессмысленно. Именно здесь и осознаешь, какие пласты смысла скрыты, запрятаны, замурованы в простеньком, на первый взгляд, девизе-лозунге, что когда-то кололи на телах своих российские многострадальные арестанты:

«Кто не был – тот будет, кто был – не забудет...» Впрочем, понять это дано, повторяю, лишь тому, кто представляет ситуацию не по книжкам, не по сериалам, а по собственным впечатлениям.

* * *

Главное событие последних дней – падение забора. На наших глазах, аккурат во время вечерней проверки упал забор. Не весь конечно, но целых три громадных пролета. Событие было встречено диким хохотом, аплодисментами и прочими проявлениями веселья. Еще бы: один из основных символов нашей несвободы, высоченный кирпичный забор, отделяющий нас от той, «настоящей» жизни, рухнул. Не важно, что этот забор далеко не единственный, что в том же самом образовавшемся проеме видны еще последующие, не менее высокие, не менее крепкие ограды, неважно.... Главное – на наших глазах упал забор! Для администрации подобное событие было ЧП серьезного калибра. Сразу же на месте аварии появился усиленный наряд из роты охраны, с автоматами на изготовку, с громадной овчаркой. Более того, уже на следующее утро на своеобразный субботник по ликвидации последствия аварии вышло громадное количество прапорщиков и сержантов сверхсрочников, то есть всех тех, кто выводит нас на работу, поднимает по утрам, проводит «шмоны», следит за нашим внешним видом и т. д.

Видеть этих людей, не шарящих в наших тумбочках, а по-настоящему работающих, еще одна радость для нас. И «радость» эта длилась аж несколько дней – все это время «стройотряд», сформированный из представителей администрации, трудился в поте лица. Мобилизованные мусора разбирали упавший пролет на блоки и кирпичи, грузили все это на самосвалы, на месте рухнувшего участка каменной стены возводили деревянный забор, не менее высокий, еще более унылый. Сам факт падения забора по-своему глубоко символичен. Подобная авария повторяется каждую весну. Из года в год, на протяжении многих лет. Почва здесь болотистая, когда зону строили – поспешили, или схалтурили, фундамент сделали неглубокий, без учета особенностей грунта, вот и «плывет» земля каждую весну под символом нашей несвободы, вот и рушатся каменные пролеты, вот и трясут животами сотрудники администрации на вышеупомянутых «субботниках». Очень может быть, что учреждению, в стенах которого мы ныне пребываем, все это даже очень выгодно. Ведь в счет подобных ЧП очень удобно «выбивать, кланчить, получать» деньги на «реконструкцию», «ремонт», «восстановление», а контролировать расход этих денег в условиях полужакрытой системы практически невозможно. Значит, – вечно падать здесь заборами! Вечно их реконструировать нашим начальникам, ну и нам, зекам, значит, вечная маленькая в том радость!

* * *

Зона может сломать человека (это общеизвестно и комментировать здесь нечего), зона может ожесточить человека (это естественно и понятно). Зона может очистить человека, помочь ему разобраться в себе, укрепить характер, просветлеть душой (подобное, очень редко, но все-таки бывает). Но, не дай Бог, если зона воспитает, то есть полностью сформирует человека. Часто ли такое случается, не беру на себя ответственность определять, но подобных людей встречал я и на воле, и здесь наблюдаю регулярно. Увы, «гомо арестантус» – существо чаще всего откровенно подлое и коварное, лживое и завистливое, падкое на халяву, к труду и

созиданию не способное. В нормальной жизни крайне нежелательно не то чтобы сталкиваться в лоб, даже соседствовать с ним. Ну, а здесь... выбирать не приходится.

А вот и несколько примеров-иллюстраций, классических образчиков философии жизненного кредо этих самых «гомо арестантос». Вот Слава Жук (две «ходки», обе за «жмуров») возраст ближе к пятидесяти, в общем разговоре про детей с гордостью вспоминал сына, который сел в неполные девятнадцать лет за двух «жмуров». Вот Костя Грек (почти его ровесник, тоже две «ходки», последняя по крайне малоуважаемой 132 УК РФ). В разговоре о будущем долго и живописно мечтал, как отстроит дом в деревне на природе, будет заниматься хозяйством, скотиной и пчелами. Мечтал – мечтал, а в конце добавил очень буднично: «В своем доме жить хорошо, зелень, воздух... и труп закопать, спрятать, проще...». Вот Рома Мокрый – «шнырь» по тюремным рангам, уже не раз битый за мелкие и средние по здешним меркам пакости. Едва узнав номер телефона родственников одного из своих близких друзей, уже переведенного в другой отряд, сразу стал названивать по этим «цифрам» и разводить «на деньги», обещая помочь в хлопотах по условно-досрочному освобождению своего друга. («Ну, это можно все решить, конечно, стоить будет, я скажу куда перечислить...») Разумеется, представился он перед ними не «братом по несчастью», а влиятельным и опытным адвокатом. По сути, хотел обмануть и ограбить родственников человека, с которым два года «пил чай» (это очень важно по тюремным понятиям), ел из одной чашки, вроде бы делил все тяготы арестантского бытия.

* * *

Оказывается, под словом «сирота» представители лагерной администрации понимают вовсе не тех арестантов, что лишились когда-то родителей и воспитывались со злой мачехой или в росли детском доме. «Сиротами» они называют тех, кто имеет крайне скудную поддержку с воли, «слабый грев», или не имеют таковой вовсе. *Можно быть еще более тонным: сотрудники администрации под «сиротами» понимают тех, с кого нечего взять.* Примеров подобного понимания этого слова у людей в погонах великое множество. Пришла моему соседу посылка. В посылке среди всего прочего спортивный костюм, который согласно существующим положениям и инструкциям, иметь арестанту вовсе не возбраняется, но костюм моему соседу не выдают. Прапорщик, досматривавший посылку, буркнув «не положено», передает костюм в отдел безопасности. В отделе безопасности с моим соседом просто никто не захотел разговаривать, а когда тот, проявив неожиданную твердость, продолжал требовать костюм, дежурный офицер отдела позвонил начальнику отряда: «что делать будем?» Сосед, стоявший рядом, прекрасно слышал, как снявший трубку на другом конце провода начальник нашего доблестного девятого отряда капитан внутренней службы Васильев (награжденный зеками нелицеприятной кличкой «Василиса»), пробурчал в свою очередь: «да обойдется, сирота он». Родители моего соседа были на тот момент живы и здоровы.

В очень похожем положении побывал мой другой соотрядник, узнавший, что поощрение, заработанное им на «промке», тормозится, не подписывается уже упомянутым начальником отряда, тем же самым капитаном «Василисой». Добившись аудиенции у последнего, арестант стал свидетелем, как начальник не поленился связаться по телефону с мастером, готовившим список на поощрение, и, нисколько не стесняясь стоящего рядом «виновника торжества», спросил: «И что там, сильно надо, что ли? Думаю, обойдется, „сирота“ он...». «„Сирота“ – тогда понятно», – донеслось из телефонной трубки, неосмотрительно отставленной капитаном «Василисой» на значительное расстояние от уха. Велик и могуч русский язык! Много смыслов может нести в себе одно и то же слово.

* * *

Десятки, нет сотни раз, приходила здесь мысль о смерти. И естественной, и даже добровольной, и всякой прочей, с поправкой на окружение, обстановку, обстоятельства. Тема возвращается, правда в ином аспекте. Начинаю понимать, насколько нелепо дико, противостоит естественному, умереть именно сейчас, когда в моем арестантском марафоне, если не грянула финишная стометровка, то уже, во всяком случае, замаячила далекая, но уже видимая финишная ленточка. Когда, оглянувшись назад, могу сказать, несколько не колеблясь: ни за один день здесь, в этой «совсем другой жизни», мне не стыдно, что все задачи, которые сам ставил перед самим собой, решил, все достойно выдержал. Впрочем, стоп, рано, ох, рано еще поднимать эту тему, а все, что связано с мерзкими словами «инфаркт», «инсульт», «рак», и т. д., надо гнать из собственного сознания прочь! Спокойствия тебе, Борис Юрьевич, бдительной мудрости и бдительной мудрости!

* * *

В отряде очередная «движуха». «Движуха» на лагерном аргоне – движение, событие, какие-то перемены в устоявшемся порядке. Арестантов по одному вызывает к себе в кабинет начальник отряда и просит, скорее, требует дать расписку, подтверждающую, будто с нами проводится воспитательная работа, большая, регулярная и целенаправленная. Бумажка со стандартной формулировкой об этой самой работе, заготовленная заранее, размноженная на компьютере. Похоже, старался кто-то из «козлов» – холуев начальника отряда, скорее всего, Леха Рыжий. Все расписались. И я расписался. По сути, поучаствовал в коллективном подлоге. Поддержал неправду, встал на сторону несправедливости. Смелодушничал? Если рубить «с плеча», то – «да», если задуматься, взвесить все «плюсы» и «минусы», то – «нет». Не поставил бы я свою подпись под этой «липой» (даже если кто-то и последовал моему примеру, в чем я сильно сомневаюсь), реакцию начальника отряда в этом случае представить несложно. «Ах, вас не воспитывают! Ну, будем воспитывать!» – и стал бы загонять всех свободных от работы арестантов в кавэрку⁴. Часами мучил бы нудными лекциями на правовые и прочие близкие темы. Вспомнив косноязычие начальника отряда, его общий, мягко говоря, невысокий уровень культуры, а самое главное, его патологическую ненависть к нам, арестантам, нетрудно представить в какую пытку превратилось бы это мероприятие! Выходит, проще поучаствовать в подлоге, чем обрекать себя и многих своих коллег по несчастью на откровенную экзекуцию. Компромисс, вполне оправданный компромисс! А на душе все равно гадкий осадок.

* * *

Для кого как, а для меня лично, из всего полуторатысячного населения нашей зоны, самый мерзкий житель – лагерный барыга Петруха. Говорят, эта фигура обязательная и необходимая на всякой зоне, говорят, что это далеко не худший вариант зла на подобном месте. Более того, персонально мне этот человек ничего плохого не сделал, а все-таки все равно он самый неприятный тип в нынешнем моем арестантском окружении. Я мало что о нем знаю, родом он, кажется, с Западной Украины, сидит по 105-й⁵, баптист. Братья-единоверцы с воли здорово «греют» его. Однажды видел, ожидая в решетчатой клетке приехавших ко мне на дли-

⁴ КВР – комната для воспитательной работы.

⁵ 105 статья УК РФ – убийство.

тельное свидание жену и сына, как Петруха общался через ту же решетку с этими самыми братьями, приехавшими к нему, в свою очередь, на короткое свидание. Удивительный этот был диалог. Эдакий духовно-коммерческий винегрет. Молитвы (что-то очень похоже на православное «Отче наш», но с другими словами) чередовались там с фразами самого земного характера («А сколько майонеза привезли, я сто пачек просил, паштет не забыли? Почему сигарет так мало взяли, они тут так хорошо идут... и т. п.») Объем получаемой передачи превышал положенный лимит раза в три (общий вес в шестьдесят килограммов). Удивила и особенность ее содержания – сто блоков сигарет, сто банок паштета, двести тюбиков кетчупа и т. п., не оставалось сомнений – передача, чисто «барыжная», предназначенная не для себя, а для дальнейшей выгодной перепродажи, или не менее выгодного обмена. По существующим тюремно-лагерным правилам каждый месяц Петруха отстегивает какую-то долю (думаю, достаточно скромную сумму) в общак зоны. Что-то он подкидывает локальщикам (это – «козлы», отпирающие и запирающие решетчатые калитки на «локалках» – локальных участках перед нашими бараками), что обеспечивает ему почти свободное передвижение по зоне; несомненно, что-то платит кому-то из представителей администрации, крышующих его «бизнес». Всю остальную прибыль Петруха перегоняет на волю, что-то в семью, что-то единоверцам, выступающим в его коммерции партнерами, а, возможно, и хозяевами, руководителями. Чужих денег считать не приучен, но не сомневаюсь, что с оборотом и с «наваром» у него полный порядок. Каждый рубль, вложенный в его махинации, оборачивается 20 % чистого дохода. Как-то поинтересовался я у него, можно ли обменять полученный в посылке блок сигарет «Честерфилд» (сигареты для зоны редкие и нетипичные, стоимостью около 50 рублей пачка) на «Святой Георгий» (один из самых ходовых в зоне сортов сигарет, столь необходимый для всех внутрилагерных расчетов, пачка стоит около 20 рублей). Естественно, я надеялся на обмен не менее два к одному (и мне удобно, и ему выгодно). Зря надеялся. Петруха заморгал своими светлыми ресницами, зашевелил губами и выдал свистяще скороговоркой: «За блок Честера – пятнадцать пачек Святого, по-другому не получается, иначе какой смысл...». Это к вопросу о чистом наваре, о его процентах, о его плюсах. *Выходит, и зона – кому беда, кому – мать родна...* Не слышал, чтобы кто-то контролировал аппетиты барыги нашего лагеря, следил за соблюдением им какой либо порядочности в делах. Ходят слухи, что Петруха не прочь погреть руки на операциях с мобильными телефонами, с алкоголем. В это я не верю, уж слишком он трусоват для столь серьезного в здешних условиях бизнеса, да и кто его туда пустит?

* * *

Череп с очень узкими едва обозначенными лбами. Череп со лбами, скошенными чуть ли не под 45°. Череп с чрезвычайно выпуклыми надбровными дугами. Просто череп откровенно дегенеративных форм и конфигураций. Какой обильный материал для кандидатских и докторских диссертаций антропологов, физиологов, криминалистов, психологов и психиатров. Бездна наглядного материала для изысканий в области теории врожденных преступников, концепции прирожденного убийцы. Более того, немалая часть окружающих меня людей имеют серьезные врожденные отклонения в развитии. Разумеется, нуждаются эти люди не столько в наказании, сколько в лечении, наблюдении, прежде всего, в изоляции от основной человеческой массы. Еще раз убеждаюсь, что отсутствие разделения на нормальных и ненормальных здесь факт далеко не случайный. *Еще раз убеждаюсь, что погружение людей нормальных в подобную среду – дополнительная мера наказания, и мера, похоже, слишком жестокая, откровенно бесчеловечная, ничем не оправданная.* Верно, процент умственно отсталых, умственно неполноценных людей здесь велик, но в местной библиотеке то и дело натыкаешься на «умные» книги. Книги по философии, религиоведению, социологии, психологии, политологии, с рабочими пометками на полях, с удивительно тонко и четко выбранными для

подчеркивания фразами. Фрейд, Кант, Ницше, Шопенгауэр, Конфуций, Макиавелли, Карнеги, Климов, Гумилев (тот, что историк, основоположник теории этногенеза), Ильин. В здешней библиотеке, которую посещаю в течение вот уже полутора лет, эти книги я вижу очень редко, они почти всегда на руках, они всегда востребованы. Перелистываешь любую из них и понимаешь, что предшественники брали ее не для любопытства, не для «пижонства», а для работы, для собственного умственного и душевного совершенствования. Выходит – не только «всюду жизнь», но и всюду разум, всюду биение мысли, «работа головы», пусть ее обладатели облачены в арестантскую робу, и, я почти уверен, что процент арестантов мыслящих, читающих, куда выше, чем процент сотрудников администрации, вряд ли вообще когда берущих подобные книги в руки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.